ХОЛЛОУ-КРИК

КНИГА ПЕРВАЯ

Спокойной ночи, Уолт

Всё начинается с железного привкуса во рту

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

18+

Lim Limonka
Спокойной ночи, Уолт

https://litres.ru/74725549
SelfPub; 2026

Аннотация

Уолтер Грин — самый незаметный человек в Холлоу-Крике. Тихий бухгалтер, один и тот же сэндвич на обед, отбой ровно в 22:30. Но однажды утром он просыпается с железным привкусом во рту, а на подушке — бурое пятно. Соседка, милая миссис Холлоуэй, смеётся: «Опять поздно вернулись ночью, милый». Только Уолтер никуда не выходил.

Выпадают волосы. Выпадают зубы. Ночной фармацевт помнит покупки, которых Уолтер не делал. А камера в спальне записывает, как в 2:14 он встаёт, долго стоит у стены, за которой спит соседка, и улыбается в объектив чужой улыбкой.

Первая книга серии «Холлоу-Крик» — города, где у каждого есть номер.

Содержание

Глава 1. Воскресенье 4
Глава 2. Мелочи 11
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Lim Limonka
Спокойной ночи, Уолт

Глава 1. Воскресенье

Я проснулся от вкуса.

Не от будильника — будильник у меня стоит на 7:15 даже по воскресеньям, потому что режим есть режим, а если позволить себе один раз, то потом не остановишься. Не от света: в начале ноября в Холлоу-Крике свет приходит поздно и нехотя, как должник. Я проснулся от того, что во рту у меня лежала монета.

Так мне показалось в первую секунду. Будто кто-то, пока я спал, положил мне на язык старый медный цент, и он успел нагреться и раствориться. Металлический, кислый, густой вкус — он стоял не только во рту, но и в горле, и, кажется, даже в носу.

Я сел на кровати и провёл языком по зубам. Все на месте. Дёсны слегка ныли, как после слишком жёсткой зубной щётки.

Часы на тумбочке показывали 7:09. Я проснулся раньше будильника. Такого со мной не случалось лет десять.

Я выключил будильник, чтобы он не зазвенел зря, и только тогда заметил пятно.

Оно было на подушке — там, где лежала моя щека. Бурое, с неровными краями, размером примерно с ладонь. Подсохшее по краям и чуть темнее в середине. Я смотрел на него довольно долго. Потом потрогал пальцем. Наволочка была жёсткой, как картон.

«Дёсны, — сказал я себе. — Это дёсны, Уолтер».

Я прочитал в одной статье, что кровоточивость дёсен в зрелом возрасте — частое явление. Недостаток витамина С. Стресс. Слишком сильный нажим щётки. Конец квартала, отчёты, налоговые декларации, которые клиенты, как всегда, принесли в последний момент. Всё сходилось.

Но пятно было большим. Слишком большим для дёсен.

Я снял наволочку, свернул её пятном внутрь и отнёс в ванную. Положил в раковину, залил холодной водой — горячая закрепляет белок, это знает любой, кто живёт один и сам стирает. Вода сразу порозовела.

Я поднял голову и посмотрел в зеркало.

Мне тридцать восемь лет. Меня зовут Уолтер Грин. У меня редеющие светлые волосы, которые я стригу в одной и той же парикмахерской на Мэйн-стрит каждые четыре недели, очки в тонкой оправе и лицо, которое люди забывают, едва отвернувшись. Я не жалуюсь. Мне так удобнее.

В зеркале было обычное моё лицо. Немного бледнее, чем обычно, пожалуй. Под глазами тени, будто я не спал. Хотя я спал. Я лёг в 22:30, как всегда, и проспал до... до сейчас.

Я открыл рот и наклонился ближе к зеркалу.

В уголке губ, в складке, засохла тонкая бурая полоска. Я потёр её пальцем. Она отошла не сразу.

Я почистил зубы. Потом прополоскал рот. Потом ещё раз почистил зубы — дольше, тщательнее, пока щётка не стала розовой. Железный вкус не ушёл. Он стал слабее, но остался где-то в глубине, под языком, как воспоминание о чём-то, чего ты не помнишь.

* * *

По воскресеньям я завтракаю в 7:45.

Два тоста из цельнозернового хлеба, тонкий слой масла, одно яйцо всмятку — четыре минуты ровно, по таймеру. Чёрный кофе. Я ем за кухонным столом у окна, откуда видно задний двор, общий для обеих половин дома, ржавые качели, которые никто не убирает с тех пор, как здесь жили дети, и край леса за забором.

Лес в Холлоу-Крике везде. Он подступает к городу со всех сторон, как вода к острову, и по утрам из него выползает туман. Сегодня туман был густым, молочным, и качели в нём казались нарисованными.

Я разбил ложкой верхушку яйца.

Желток был жидким, ярким, тёплым. И вдруг мне стало тошно. Не от вида — от запаха. Яйцо пахло... ничем. Пустотой. Как пахнет картон или вода из-под крана. Я сидел над ним с ложкой в руке и понимал, что не хочу его. Совсем. Я

хотел чего-то другого, но не мог понять чего.

Я съел тосты. Яйцо выбросил. Такого со мной тоже не случалось — я не выбрасываю еду.

Кофе показался безвкусным. Железо во рту перебивало всё.

* * *

В 9:00 в дверь постучали.

Я знал, кто это. В 9:00 по воскресеньям всегда стучит миссис Холлоуэй.

Она живёт за стеной, во второй половине дома, уже тридцать с лишним лет — гораздо дольше, чем я. Её муж, Гарольд, умер задолго до того, как я въехал, но она до сих пор говорит о нём так, будто он вышел в магазин. Ей семьдесят восемь. Она маленькая, сухая, с голубоватыми кудряшками, которые делает себе сама, и с голосом, который с годами стал тонким и звонким, как у девочки.

Каждое воскресенье она приносит мне пирог.

Я открыл дверь. Она стояла на крыльце в вязаной кофте поверх ночной рубашки, в резиновых сапогах, и держала обеими руками тарелку, накрытую клетчатым полотенцем. У её ног тёрся Пиклз — огромный рыжий кот с порванным ухом и мордой человека, который всё про тебя знает.

— Доброе утро, Уолтер, — сказала она. — Яблочный. С корицей, как ты любишь.

Я никогда не говорил ей, что люблю яблочный с корицей. Но она так решила лет пять назад, и с тех пор я его люблю.

— Доброе утро, миссис Холлоуэй. Спасибо. Не стоило.

— Стоило, стоило. Ты совсем ничего не ешь, я же вижу. Худой, как Гарольд перед... — она махнула рукой, не договорив. — Возьми, пока горячий.

Я взял тарелку. Из-под полотенца шёл тёплый запах теста, яблок, корицы. Хороший запах. Правильный.

И он тоже был мне не нужен.

Пиклз поднял на меня жёлтые глаза, выгнул спину и вдруг зашипел. Тихо, коротко, прижав порванное ухо. Потом развернулся и ушёл за угол дома, задрав хвост.

— Пиклз! — миссис Холлоуэй всплеснула руками. — Да что с тобой? Он тебя всегда любил. Не понимаю, что на него нашло.

— Наверное, погода, — сказал я.

— Наверное, — согласилась она, но смотрела вслед коту с беспокойством. Потом снова повернулась ко мне, и лицо её стало хитрым, как у школьницы, которая знает секрет. — А ты, милый, у нас, оказывается, гуляка.

— Простите?

— Опять поздно вернулся ночью, — она погрозила мне сухим пальцем. — Я всё слышу, у меня бессонница. Половина третьего, не меньше. Дверь хлопнула, потом ты долго воду лил. Я уж подумала, не случилось ли чего.

Я стоял с пирогом в руках и не мог ничего ответить.

— Я никуда не выходил, — сказал я наконец.

Она засмеялась — легко, без тени сомнения, как смеются над хорошей шуткой.

— Ну-ну. Дело молодое. Ты не думай, я не осуждаю. Гарольд тоже, бывало... — она снова махнула рукой. — Ешь пирог, Уолтер. И одевайся теплее, туман сегодня злой.

Она ушла к своей двери, шаркая резиновыми сапогами, и на пороге ещё раз позвала:

— Пиклз! Кис-кис-кис!

Кот не пришёл.

* * *

Я закрыл дверь и поставил пирог на кухонный стол, рядом с остывшим кофе. Сел.

Опять, сказала она. Опять поздно вернулся.

Я не выходил из дома. Я в этом уверен. Я лёг в 22:30, как всегда. Я помню, как выключил свет. Помню, как поправил одеяло. Помню... больше ничего не помню. Но так и бывает, когда спишь. Ты не помнишь сон, если он без снов.

Старая женщина. Бессонница. Она слышит, как хлопают двери у соседей через дорогу, как ветер стучит калиткой, и путает. Конечно, путает.

Я встал и пошёл в прихожую.

Моя куртка — серая, непромокаемая, купленная семь лет назад в универмаге в Бангоре — висела на своём крючке.

Ботинки стояли на коврике носками к стене, как я их ставлю всегда.

Я взял правый ботинок и перевернул.

В рифлёной подошве застряли комки земли. Тёмной, влажной, лесной, с мелкими рыжими иголками. Земля ещё не успела высохнуть.

Вчера я весь день был дома. Вчера была суббота, и я сверял выписки по счетам лавки Кесслера, и пил чай, и в 22:30 лёг спать.

Я поставил ботинок обратно — носком к стене. Ровно. Как всегда.

Потом вернулся в ванную, где в раковине отмокала наволочка. Вода за это время стала совсем красной. Я смотрел на неё и чувствовал, как во рту снова поднимается вкус — железный, тёплый, густой.

И самое страшное было не в пятне. Не в земле на подошве. Не в коте, который шипел на меня так, будто увидел за моей спиной кого-то другого.

Самое страшное было в том, что вкус мне нравился.

Глава 2. Мелочи

В понедельник волосы остались на расчёске.

Не один-два, как бывает у любого мужчины после тридцати пяти. Целый клок — светлый, мягкий, спутанный, будто его сняли с головы, как снимают шапку. Я стоял над раковиной и вертел расчёску в руках, а волосы висели на зубьях и чуть шевелились от сквозняка из приоткрытого окна.

Я провёл ладонью по голове. Под пальцами всё было как обычно. Никаких проплешин. Я посмотрел на ладонь — на ней лежали ещё волосы. Пять, шесть, десять.

Стресс, сказал я себе. Конец квартала. Авитаминоз. Ноябрь в штате Мэн — это авитаминоз в чистом виде, у нас солнце видят по праздникам.

Я собрал волосы в бумажную салфетку, скомкал и выбросил в мусорное ведро. Потом подумал и вынес ведро на улицу, хотя оно было заполнено едва на треть.

Наволочку я так и не отстирал. Пятно побледнело, но осталось — коричневое, похожее на карту какой-то страны. Я выбросил её тоже.

* * *

Контора «Бриггс и партнёры» занимает второй этаж кир-

пичного дома на Мэйн-стрит, над химчисткой. Партнёров у мистера Бриггса нет уже лет пятнадцать, но вывеску он не меняет — говорит, клиенты к ней привыкли. Нас в конторе трое: сам Бриггс, который приходит к одиннадцати и уходит к трём, секретарша Донна и я.

Я веду отчётность двадцати двух местных предприятий. Заправка Харрисона. Пекарня «Утренняя звезда». Мотель «Сосны». Аптека «Даффи». Мясная лавка Кесслера.

Я люблю цифры. Это не поза и не попытка казаться интереснее. Я правда их люблю. Цифры не врут, не хлопают дверью в половине третьего ночи и не шипят на тебя из-за угла. Если в колонке не сходится — значит, ты где-то ошибся, и ошибку всегда можно найти. Надо только быть внимательным.

— Доброе утро, Уолт, — сказала Донна, не отрываясь от телефона. — Ты сегодня какой-то зелёный.

— Доброе утро. Плохо спал.

— Все плохо спят. Ноябрь, — сказала она так, будто это всё объясняло. Может, и объясняло.

Я сел за свой стол у окна, открыл папку с выписками лавки Кесслера и начал сверять.

Поставки говядины от фермы Лэнгстонов. Свинина из Огасты. Курица. Баранина — немного, к праздникам. Продажи за октябрь. Всё было аккуратно, Кесслер — один из немногих моих клиентов, кто сдаёт документы вовремя. Я двигался по колонкам ручкой, как всегда, строчка за строч-

кой.

Потом я поднял голову и посмотрел на часы над дверью.

Было 13:40.

Я начал в 9:10. Я помнил это точно, потому что, садясь, посмотрел на часы — я всегда смотрю. И я был уверен, что прошло минут двадцать. Ну, сорок. Но не четыре с половиной часа.

Я опустил глаза на бумаги. Ручка лежала на третьей строчке первой страницы. На той самой, где я начал.

За четыре с половиной часа я не сделал ничего.

— Донна, — сказал я, и голос прозвучал хрипло. — Я... я выходил куда-нибудь?

Она подняла на меня глаза — подведённые синим, удивлённые.

— В смысле?

— Я сегодня выходил из конторы?

— Не-а. Ты сидел и смотрел в окно. Я ещё подумала, что ты влюбился, — она хихикнула. — Часа три так сидел. Ты в порядке, Уолт?

— В порядке, — сказал я. — Просто устал.

Я посмотрел в окно. Внизу, через дорогу, на углу Мэйн-стрит и Элм-стрит стояла мясная лавка Кесслера. Красно-белый полосатый навес, витрина, в которой висели связки колбас, тёмная дверь с колокольчиком. Её было видно отсюда как на ладони.

Я смотрел на неё три часа и не помнил этого.

* * *

Домой я шёл через центр, как всегда. Мэйн-стрит, мимо аптеки, мимо закрытого кинотеатра «Рокси», где уже лет десять висит одна и та же афиша, потом налево на Элм-стрит. Темнело. В ноябре в Холлоу-Крике темнеет в половине пятого, и к шести город уже выглядит так, будто наступила полночь.

Лавка Кесслера ещё работала. В витрине горел жёлтый свет, и сквозь стекло было видно, как сам Кесслер — огромный, краснолицый, в белом фартуке поверх клетчатой рубашки — разделывает что-то на колоде. Тяжёлый тесак поднимался и опускался. Поднимался и опускался. Я слышал глухие удары даже через стекло.

Я проходил мимо этой лавки каждый день много лет. Обычно я ускорял шаг. Запах сырого мяса, крови и опилок, который вытекал из её дверей, всегда вызывал у меня лёгкую тошноту. Я даже не ем говядину — только курицу и рыбу.

Сегодня я остановился.

Дверь лавки была приоткрыта, и запах шёл оттуда тёплой волной. Сырое мясо. Кровь. Холодный жир. И что-то ещё — сладковатое, глубокое, как запах земли после дождя.

Мне не было противно.

Мне было хорошо.

Я стоял на тротуаре и дышал этим запахом, и рот у меня

наполнялся слюной так, что пришлось сглотнуть. Раз. Другой. Под языком снова проснулся железный вкус, и вдруг он оказался не чужим — он оказался ответом. Как будто тело спрашивало о чём-то с самого утра, а теперь получило ответ.

Колокольчик над дверью звякнул.

— Уолт! Ёб твою мать, вот это гости!

Кесслер стоял в дверях, вытирая огромные красные руки о фартук. Фартук был в розовых разводах. От Кесслера пахло так же, как от лавки, только сильнее.

— Добрый вечер, мистер Кесслер.

— Да какой я тебе, нахер, мистер, — он расхохотался, и его смех был таким же громким, как удары тесака. — Двадцать лет мои бумажки перекладываешь, а всё «мистер». Ты чего стоишь-то? Зайти хотел?

— Нет, я просто...

— Просто нюхал, — сказал Кесслер, и смех у него вдруг кончился. Он смотрел на меня маленькими светлыми глазами из-под рыжих бровей. Смотрел внимательно, как смотрят на градусник. — Вижу я, как ты нюхал. Голодный ты какой-то, Уолт.

— Я... не голоден. Спасибо.

— Ну-ну, — сказал Кесслер точь-в-точь как миссис Холлоуэй вчера. И снова улыбнулся во весь рот. — Слушай, у меня фарш остался, свежий, утром крутил. Выбрасывать жалко. Бери, за счёт заведения. Бери-бери, не выделывайся, говно вопрос.

Он исчез в лавке и через минуту вернулся с пакетом, завёрнутым в белую бумагу и перехваченным бечёвкой. Сунул мне в руки. Пакет был холодным и тяжёлым. Через бумагу проступало розовое пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.